

ГЛАВА 1

ЧТО ЖДЕТ РОССИЮ? — ЗАВИСИТ ОТ ВЫБОРА ИДЕОЛОГИИ!

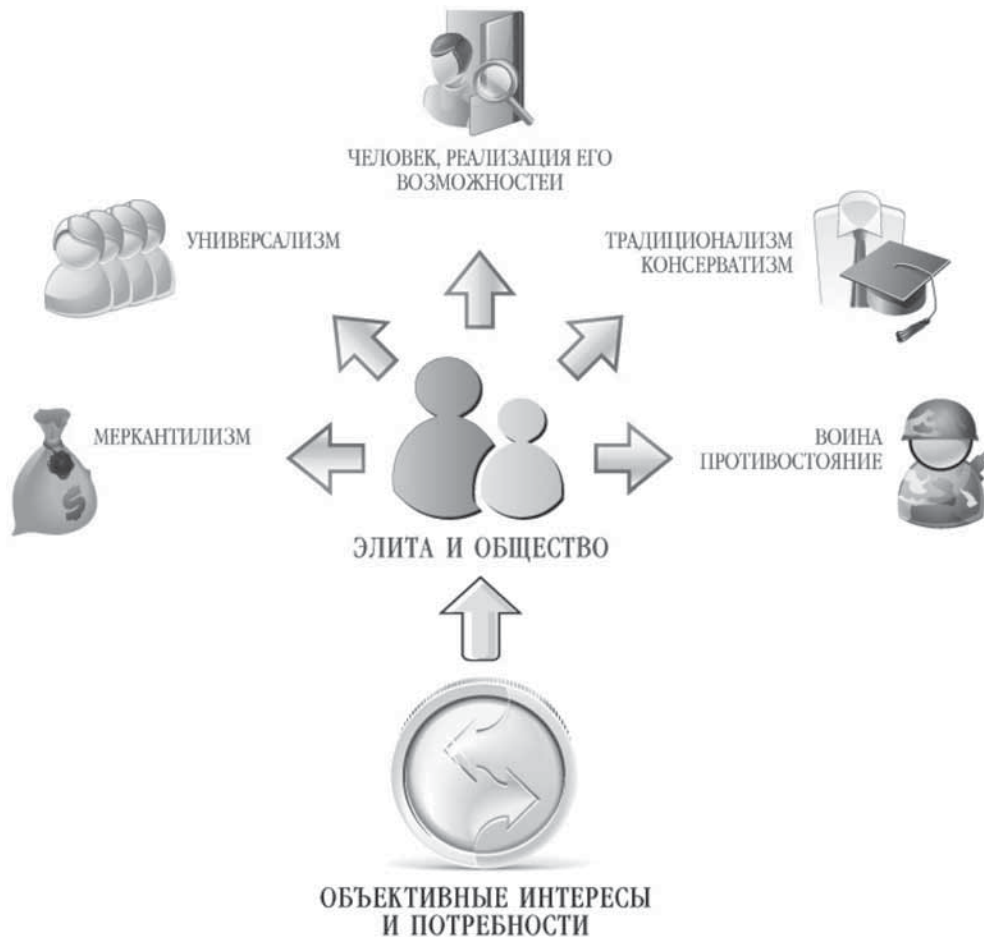
Деидеологизация политики выхолостила ее душу, вместе с этим и интерес к ней больших, масштабных людей².

А. Владиславлев

Ученые — это те, кто много знают.

Умные — это те, кто понимают.

М. Задорнов

Ответ на вопрос о будущем России сегодня, как правило, дается с точки зрения перспектив экономического и технологического (а иногда даже только финансового) развития страны. Или в лучшем случае с точки зрения политической модернизации³. Между тем, ответ надо искать в совсем другой области, а именно — духовной и идеологической, — хотя именно идеологии правящая российская элита и боится больше всего. Даже опубликовав идеологическую статью, посвященную национальной политике в январе 2012 года, В. Путин тщательно старался избегать идеологических формулировок и оценок. Как заметил политолог В. Иванов, это была «...попытка описать империю, не прибегая к самому термину...»⁴.

При всей «деидеологизации» последних лет власть вынужденно подчеркивала, как минимум, два стратегических приоритета — «рост благосостояния» и «демократизацию». Или, как сказал академик РАН А. Торкунов, «стратегический вектор развития нашей страны — от несвободы к свободе — остается неизменным»⁵. Что также является, по сути дела, идеологией, но идеологией упрощенной, даже примитивной, ориентированной только на материальные потребности граждан. Такая идеология получила свое определение как «прагматизм». Естественно, это мало способствовало стратегическому мышлению и разработке эффективных стратегий развития. В конечном счете в феврале 2012 года это был вынужден признать даже автор такой идеологии В. Путин, заявивший, что «нужно научиться «смотреть за горизонт», оценивать характер угроз на 30–50 лет вперед. Это серьезная задача, требующая мобилизации возможностей гражданской и военной науки, алгоритмов достоверного, долгосрочного прогноза»⁶.

Это признание означало, что кандидат в президенты, ответственный за политический курс последних 12 лет, был вынужден признать бесперспективность «деидеологизации» и «прагматизма» последнего времени как несостоятельных подходов. Но именно такие подходы доминировали в российской элите последние десятилетия. В нормативных документах, принятых за это время, было сложнее совсем отказаться от идеологии: там оценки, понятийный аппарат и в целом идеология (даже при ее отрицании) обязаны присутствовать. Так, в принятой 17 декабря 2009 года Климатической доктрине Российской Федерации, признается, что климатические «...факторы определяют необходимость учета изменений климата в качестве одного из ключевых долговременных факторов безопасности Российской Федерации...»⁷.

«Деидеологизация» оказала власти плохую услугу и с точки зрения эффективности госуправления. Колоссальное расхождение по времени между принятием решений и документов, а иногда и вообще их невыполнение, — очень характерно не только для времени президентства В. Путина — Д. Медведева. Это расхождение объясняется опять же прежде всего отсутствием идеологии, которая выполняет **функцию национального и государственного управления.**

Причем управления не только массой чиновников, но и всей нацией. Так, Комплексный план реализации Климатической доктрины России до 2020, утвержденная в 2009 году, был принят правительством... только в конце апреля 2011 года⁸.

Таким образом отсутствие идеологии у правящей элиты неминуемо вело в последние десятилетия к следующим последствиям:

- упрощенному, даже примитивному восприятию реалий. Описание и анализ мировых процессов базировалось на примитивном макроэкономическом анализе;
- отсутствию стратегии, прогноза и стратегического планирования;
- неэффективному и запоздалому принятию решений, а в целом плохому госуправлению;
- неспособности адекватно оценить и распределить даже имеющиеся ресурсы.

Ограничивается ли национальная идеология и идеологема развития этими двумя трендами? Конечно, нет. «Доходы» и «свобода» понятия относительные, а в разных странах и в разное время понимаются по-разному. Кроме того, эти два понятия не являются универсальными. Особенно для таких стран, которые сами по себе цивилизации, где исторические, культурные и духовные корни заложили глубокую традицию. Между тем именно эти два приоритета повторялись как заклинание Д. Медведевым в 2008–2011 годы. Лишь в марте 2012 года на конференции Российского совета по международным делам (РСМД)⁹ Д. Медведев шире посмотрел не только на идеологию европейской безопасности, но и идеологию вообще, заявив, в частности, что «Сегодня состояние международной безопасности как никогда ранее зависит от общеевропейского человеческого потенциала. Россия очень дорожит этим национальным богатством, потому что мы многонациональная страна, очень сложная страна и с той системой ценностей, которая складывалась тысячелетиями, развивалась и обогащалась во взаимодействии с другими европейскими культурами. Мы понимаем и то, что в основе европейской идентичности лежит наша историческая и духовная общность»¹⁰.

Растущая нестабильность в мире и непредсказуемость последствий глобализации, новые угрозы человечеству — стали реалиями второго десятилетия XXI века, которые особенно ярко обнажил мировой кризис 2008–2011 годов. В этих условиях роль государств, национальных правительств стала объективно возрастать, требуя от них ясного политического ответа и выбора, в т. ч. идентификационного. Самоидентификация нации означает прежде всего осознанный выбор между приоритетами и путями их достижения, а этот выбор может быть только сознательным идеологическим выбором, обществом, но, прежде всего, правящей элитой. Как и в прежней российской истории, современная политическая история России предполагает вполне конкретный идеологический выбор. Если в XIII веке, как писал Г. Вернадский, «ла-

тинство было воинствующей религиозной системой, стремившейся подчинить себе и по своему образцу переделать православную веру русского народа»¹¹, так и в XXI веке выбор алгоритма национального развития общества и государства предполагает прежде всего идеологический выбор. Выбор цивилизационный, идеологический и, в конечном счете, политический. Не случайно, в 2011–2012 годы отмечены были две усилившиеся тенденции в идеологическом дискурсе — евразийство и евроатлантизм. Без ответа на этот вопрос о выборе бессмысленно, даже вредно принимать любые социально-экономические, политические и прочие концепции развития, которые массово стали предлагаться и приниматься во второй половине первого десятилетия XXI века в России.

Это надо четко осознавать особенно в условиях политических изменений, начало которым было положено в декабре 2011 года. О «Политической реформе», руководство страны заявило после выборов 4 декабря 2011 года, но без новой идеологии (а ее нет), что может привести к очередному политическому провалу. Как это было в конце 80-х годов прошлого века. Ситуация на рубеже 2012 года удивительно напоминала ситуацию 1988 года: протестные массы, недовольные всем, с одной стороны, и непонятная позиция власти, не имеющей идеологии, — с другой. Происходит очередной разрыв между элитой и обществом. Это отметил и новый Председатель Госдумы С. Нарышкин: «...может быть, темпы перемен в общественном сознании и настроениях людей бывают несколько выше, чем скорость тех изменений, которые власть вносит в политическую систему. Митинги как раз говорят об этом. Значит, власть должна соответствующим образом реагировать. И скорость разработки предложений, касающихся совершенствования политической системы, должна быть выше»¹².

Не сказал он, однако, в какую сторону надо совершенствовать политическую систему. Если в обратную всему политическому курсу нулевых, то возникает вопрос: а где гарантия, что такая политическая модернизация, уничтожив все, что с трудом создавалось 11 лет, приведет к более эффективной системе? Да и какая будет эта система?¹³ Ответ на этот вопрос может дать только осознанно сделанный правящей элитой политико-идеологический выбор. Сегодня, повторю, этого пока нет, но, что хуже всего, — это бояться сделать. Бояться точно определить: куда, зачем и как нация должна развиваться. Да и самого слова «нация» бояться, пытаясь заменить его некой «гражданской» нацией, «россиянами» и т. п.

Между тем это все-таки придется сделать. Невозможно до бесконечности отказываться от ясного целеполагания, определения четких приоритетов, «дефиниций» и в конечном счете — выбора средств и методов развития и распределения национальных ресурсов. Этот выбор и есть идеология, объединяющая в единую систему многочисленные и многофакторные действия, превращая их в конечном счете в националь-

ную и государственную стратегию. И опыт, история России и СССР, только подтверждает это. Еще в середине первого десятилетия я неоднократно писал о том, что стратегия России не может быть адекватной без идеологии опережающего национального развития¹⁴.

Советский Союз был идеологической державой. Как, впрочем, сегодня и любая другая держава, особенно США, Китай, Индия, страны Евросоюза, а тем более, исламские государства. Разрушая в 80-е годы идеологию, наши власти разрушали и государство и экономику, которая была максимально политизирована. Вот и сегодня, «в Европе свободный рынок превратился в такую же идеологию, какой в 1970-е у нас была идеология Суслова. Там идеология свободного рынка — это такой коллективный Суслов, в Брюсселе сидящий. У нас Суслов был один, а там их очень много — вы спокойно их можете менять: на смену одному приходит другой такой же точно, как из инкубатора. Бюрократия есть бюрократия, и она воспроизводит определенные типы в любой стране»¹⁵.

Но сегодня, в связи с кризисом, в Евросоюзе задумались о смене идеологии, понимая, что прежние идеологические и социально-экономические модели уже не работают. Там действительно прагматично относятся к реалиям, а либеральная традиция — будь то «толерантность», «мультикультуризм» или финансовая либерализация не являются догмами. И там не боятся корректировать свое отношение к «либеральной традиции». Ни с точки зрения роли государства, ограничения прав человека, развития национальных особенностей и традиций, ни с точки зрения своего отношения к внешнему миру.

Вот и для современной России наступило время политико-идеологического выбора. Прежде всего идеологического. Мы не можем «просто» взять устаревшие либеральные западные модели (тем более, что даже там признают их неэффективность). Не можем взять и японские, китайские, латиноамериканские. Придется делать свой выбор, искать свою стратегию и идеологию.

На мой взгляд, такой выбор уже «прорисовывается» достаточно ясно. Это выбор в пользу самостоятельной политико-идеологической и социально-экономической модели развития, в полной мере учитывающей как российский, так и советский опыт. Прежде всего на евразийском пространстве, где история, культурное и духовное наследие дают нам не только возможность и право, но и условия для создания оригинальных моделей развития.

Наше будущее — не только в России, но на всем постсоветском пространстве, а, может быть, и в мире будет зависеть от этого выбора. Если мы сможем провести идеологическую и политическую мобилизацию на постсоветском пространстве, то это будет будущее самостоятельной нации — цивилизации. Но, если этого не произойдет, то неизбежно последует утеря национальной идентичности и суверенитета, а, в конечном счете — ликвидация такого феномена, как российская цивилизация.